

Комментарий к статье В.П. Зинченко

Д.А. Леонтьев

доктор психологических наук, профессор факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Есть статьи, которые вызывают к комментарию, читателя просто нельзя оставлять с ними один на один. Данная статья В.П. Зинченко к таким не относится. Ее трудно комментировать, поскольку любой текст можно оценивать лишь в контексте его собственных целей и задач, а здесь они не очень легко просматриваются. В чем вообще смысл этой статьи, т. е. ради чего она писалась? Неужели ради одного лишь доставляемого читателю интеллектуально-эстетического удовольствия?

Единственный тезис, который сформулирован в статье прямым текстом, — это тезис о смысле как «главном слове» психологии, сменяющем в этом качестве понятие души и целый ряд пришедших ему на смену. Надеюсь, меня последнего можно заподозрить в недооценке понятия смысла в психологии — его утверждению в ряду ключевых понятий отданы многие годы моей жизни. Меня, однако, настораживает сама монистическая идея о необходимости Одного Главного Слова. Таковое важно в прескриптивных — этических, идеологических или религиозных — системах мысли, «единственно верных учениях», где без него не обойтись, если мы хотим выстроить конкурентоспособный и легкоусваиваемый символ веры. В науке же, которая стремится максимально полно и правдоподобно объяснять реальность и трансформировать свой понятийный аппарат по мере того, как он перестает этой реальности удовлетворительно соответствовать, сама постановка вопроса о «главном» слове вызывает недоумение и обиду за остальные слова. Хорошо то понятие, которое работает, т. е. что-то объясняет, и нет таких понятий, которые могут объяснить все, даже в одной сравнительно частной области. Безусловно, важно, чтобы смысл был, но если его нет? К Мерло-Понти с его идеей «приговоренности к смыслу» поговорка «его бы устами да мед пить» применима еще больше, чем к Ницше. Впрочем, кого-кого, а В.П. Зинченко трудно заподозрить в стремлении объять необъятное одним даже самым любимым понятием и «приговорить к смыслу» всю психологию.

Остается усмотреть смысл этой статьи в оживлении, анимации понятия смысла, подчеркивании его протеической, не вещной природы, а природы процесса, «живого движения», не упаковываемого в словесные формулировки и исчезающего в своей «оставленности». Здесь я двумя руками «за» (см.: [4]). И, надо сказать, подход к смыслу через его метафоры видится, действительно, более чем адекватным. В.П. Зинченко проделывает с самим понятием смысла работу смысла — ведь метафора и монтаж пред-

ставляют собой способы создания рядов, в которых между объектами, событиями или словами выявляются смысловые связи — связи, обусловленные их включенностью в конкретный контекст жизни, а не их статичной природой. Выстраивая ряд метафор, повествующих о самом смысле, автор статьи извлекает из них то, что проливает дополнительный свет на смысл как таковой.

Впрочем, о ПОРОЖДЕНИИ смысла говорить, на мой взгляд, неточно. Вопрос о том, как он (по)рождается, — вопрос вопросов. Я пытался описать несколько механизмов такого порождения [3, с. 130—138], но далек от того, чтобы считать это описание ответом. По большому счету, порождение смысла есть установление какой-то связи меня с миром, ранее не существовавшей, а утрата смысла — разрыв такой связи. И рождается смысл только в практической жизнедеятельности. В свою очередь, работа сознания смысла не порождает — она позволяет либо осознать существование определенных связей и следствий из них или, напротив, вытеснить их из осознания, ослепнуть и оглохнуть по отношению к определенным фрагментам реальности, что, впрочем, не делает их менее реальными, т. е. чреватых последствиями для жизни субъекта. Я не увижу радугу смысла, если моя жизнь на деле тускла и ахроматична. Сознание, однако, обеспечивает способность или неспособность открывать смыслы своей жизни. Ахроматичными могут быть душевные «очки», не позволяющие увидеть те цвета, которые в потоке моей жизни присутствуют.

Смысл потому столь ценен, что он реален, он про то, что на самом деле происходит между мной и миром. В повседневной жизнедеятельности смысл и жизнь нераздельны, неразъемны. Некоторый зазор между ними создает искусство, заменяющее саму жизнь ее концентрированными моделями, сохраняющими все богатство смыслов и открывающее более прямой доступ к ним — не через проживание своей жизни, а через проживание мира художественного произведения. Это, однако, те же нередуцированные смыслы. Подлинное искусство всегда реалистично в том смысле, который вкладывал в это понятие А.Н. Леонтьев [1], связывавший его с подлинностью передачи смыслов, а не фактуры. Нереалистично в этом смысле конъюнктурное, ангажированное искусство (хотя бывают и исключения), нереалистичны бездарные или неудавшиеся произведения и нереалистично массовое коммерческое искусство, которое точнее называть квазиискусством или квазикультурой [2]. Последнее демонстрирует

ложность расхожего противопоставления идеалов и реальности, ибо в нем нет ни того, ни другого. Оно не открывает никаких смыслов, оно их назначает по своему усмотрению — что считать важным, что ценным, что достойным, что не является таковым, не вытекает из какого-либо места или роли этих явлений в жизни, из их следствий. Оно вообще ни из чего не вытекает, и любой вопрос «а почему?» остается без ответа. В некотором смысле масскульт является самым чистым случаем именно ПОРОЖДЕНИЯ смыслов — если, конечно, считать смыслами порождаемый им продукт. Для многих, однако, это именно так, и каких-либо других смыслов для них

просто не существует. За эти квазисмыслы люди не идут на верную смерть, но очень часто отдают им всю жизнь без остатка...

Я уже не о статье В.П. Зинченко, а о своем. Проблема, заслуживающая серьезного, прежде всего эмпирического изучения, для меня сейчас — почему одни люди ориентируются на смысл, а другие нет? Чем одни отличаются от других, что привело к формированию таких разных систем регуляции жизнедеятельности, как можно что-то исправить? Имеющие глаза восхищаются радугой без специальной агитации, слепым же агитация не поможет, им не обойтись без хирургического вмешательства.

Литература

1. Леонтьев А.Н. О психологической функции искусства (гипотеза) // Художественное творчество и психология / Под ред. А.Я. Зиса, М.Г. Ярошевского. М., 1991. С. 184–187.
2. Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М., 1998.

3. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.
4. Леонтьев Д.А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): Материалы международной конференции / Под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2005. С. 36–49.

Comment by D.A. Leontiev

D.A. Leontiev

Ph.D. in Psychology, professor at the Faculty of Psychology at the Lomonosov Moscow State University

---

References

1. Leont'ev A.N. O psihologicheskoi funkicii iskusstva (gipoteza) // Hudozhestvennoe tvorchestvo i psihologiya / Pod red. A.Ya. Zisya, M.G. Yaroshevskogo. M., 1991. S. 184–187.
2. Leont'ev D.A. Vvedenie v psihologiyu iskusstva. M., 1998.

3. Leont'ev D.A. Psihologiya smysla. M., 1999.
4. Leont'ev D.A. Novye gorizonty problemy smysla v psihologii // Problema smysla v naukah o cheloveke (k 100-letiyu Viktora Frankla): Materialy mezhdunarodnoi konferencii / Pod red. D.A. Leont'eva. M., 2005. S. 36–49.